

УДК 821.161.1
ББК Ш5 (2=Р)5

К. Ю. Головач
г. Кемерово, Россия

Особенности концептуализации *любви* в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова (на примере группы образных признаков)

Статья отражает особенности восприятия концепта *любовь* классиками русской литературы 19 века – А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым. Особенности концептуализации любви рассматриваются на примере четырёх метафорических моделей, значимых для творчества обоих авторов: «любовь – человек», «любовь – живое (живущее) существо», «любовь – бог», «любовь – растение».

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, образные признаки, метафорическая модель, индивидуально-авторская картина мира.

К. Yu. Golovach
Kemerovo, Russia

The Peculiarities of Conceptualization of *Love* in the Works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov (Based on the Group of Characters' Features)

The article reveals the perceptive peculiarities of concept *love* by the classic authors of Russian literature of the 19th century A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. This subject is considered with the help of comparative methods, as far as there has been made no comparative analysis based on works of these poets. The peculiarities of conceptualization of love are analyzed through four metaphorical models relevant for both authors: love - human being, love - living creature, love - god, love - a plant.

Keywords: concept, concept structure, graphic features, metaphorical model, individual picture of the world.

Концептосфера внутреннего мира человека представляет особый интерес для исследователей-когнитологов. В последнее десятилетие было опубликовано достаточно много работ, посвящённых концептуальному анализу чувств и эмоций: это исследования сравнительно-сопоставительного характера (*любовь и счастье* [5], *счастье и блаженство* [7], *счастье и несчастье* [8], *любовь и ненависть* [6]) и анализ отдельных концептов (*страсть* [4], *страдание* [2], *боль* [9]). Однако несмотря на уже предпринятые попытки изучения некоторых фрагментов внутренней сферы жизни личности, нельзя с уверенностью говорить о том, что эта область изучена полностью. Особого внимания заслуживает анализ ключевых эмотивных концептов. «Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование является чрезвычайно актуальной проблемой» [3, с. 105]. Ключевой для русского менталитета концепт *любовь* нередко выступает объектом анализа в современных лингвистических исследованиях. В настоящей работе предпринята попытка выявить особенности концептуализации *любви* в индивидуально-авторских картинах

мира А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. В сравнительно-сопоставительном аспекте на материале произведений двух выдающихся классиков русской литературы XIX в. подобного исследования ранее не наблюдалось, что позволяет говорить о его значимости для когнитивной науки. Анализ структуры концепта *любовь* проводился в соответствии с методикой, предложенной Кемеровской лингвистической школой во главе с проф. М. В. Пименовой. Данная методика представляет собой поэтапное описание концептуальной структуры с последовательным выявлением всех групп признаков: мотивирующих, понятийных, образных, ценностно-оценочных, символических. Результаты проведенного исследования показали значимость для индивидуально-авторских картин мира А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова образных признаков, что подтверждает присущая любовной лирике поэтов метафоричность. Разнообразие концептуальных метафор позволило построить метафорические модели, характеризующие *любовь* как бога и человека, как живое (живущее) существо и растение. Рассмотрим их подробнее.

В творчестве А. С. Пушкина большая часть образных признаков концепта представлена персонафикацией этого межличностного чувства, что, в свою очередь, говорит об антропоморфизме любви, т. е. уподоблении её человеку. В произведениях М. Ю. Лермонтова такое уподобление также имеет место, но в количественном отношении группа антропоморфных признаков не превосходит другие группы. Любовь в произведениях поэтов представлена как человек, наделённый особым характером (робким, доверчивым, лукавым, коварным, хитрым, тщеславным: *Во-первых, он уж был неправ, Что над любовью робкой, нежной, Так подиутил вечер небрежно.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»; *Ты сам же после осмеешь Тоску любви легковерной...* М. Ю. Лермонтов. «К приятелю»; *Нас издали пленяет слава, роскошь И женская лукавая любовь.* А. С. Пушкин. «Борис Годунов»; *Достойны равного презрения Его тщеславная любовь И лицемерные гонения.* А. С. Пушкин. «Когда твои младые лета»; *Ужели дев коварная любовь Прельстит меня перед кончиной вновь.* М. Ю. Лермонтов. «Смерть»; *Любовь хитрей, чем ревность или злоба.* М. Ю. Лермонтов. «Аул Бастунджи»), имеющий социальный статус (статус руководителя, подчинённого: *Откройся мне: ужели непритворны Лобзания твои? Они правам супружества покорны, Но не правам любви.* М. Ю. Лермонтов. «Сентября 28»; *У граций в отпуску и у любви в отставке.* А. С. Пушкин. «Красавица, которая нюхала табак»; *Что Годунов? во власти ли Бориса Твоя любовь, одно мое блаженство?* А. С. Пушкин. «Борис Годунов») и вступающий в те или иные отношения с себе подобными (например, в отношения глубокой внутренней связи, неразлучности, или же борьбы: *Что удерживало его? Робость, неразлучная с истинною любовью...* А. С. Пушкин. «Роман в письмах»; *С враждой боролась любовь.* М. Ю. Лермонтов. «Оправдание»). В произведениях А. С. Пушкина любовь наделена ментальными качествами – мечтательностью и памятью (*Замечу кстати: все поэты – Любви мечтательной друзья.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»; *Но я, любовью позабыт.* А. С. Пушкин. «Элегия»). В творчестве М. Ю. Лермонтова любовь не имеет ментальных качеств, что обусловлено особенностями индивидуально-авторского восприятия данной реалии действительности. Других существенных отличий в реализации метафорической модели «любовь – человек» в произведениях поэтов выявлено не было.

Следующая группа признаков носит название витальных (группа признаков *живого и живущего* существа). Каждый живой организм рождается, живёт и умирает. Признаки "рождение", "жизнь" и "смерть" являются значимыми в представлении любви как *живого* существа (...*Разве по воле человека рождается Человеческая любовь?* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»; *Мы знаем: вечная любовь Живёт едва ли три недели.* А. С. Пушкин. «Кокетке»; ... *тщетно в нас жила любовь.* М. Ю. Лермонтов. «FAREVELL»; ...*Погибла гречанка, погибла любовь.* А. С. Пушкин. «Чёрная шаль»; *Ах! здесь любовь моя погребена.* М. Ю. Лермонтов. «Джюлио»). С живущим существом любовь сближается через общие признаки "голос" (*И сердцу бурному вели Не слушать голоса любви.* М. Ю. Лермонтов. «Исповедь»; *Подумай и любви услышишь в сердце глас.* А. С. Пушкин. «Анджело»), "движение" (*Любовь пройдёт, как тень пустого сна.* М. Ю. Лермонтов. «К другу»; *Мгновенно сердце молодое Горит и гаснет. В нём любовь Проходит и приходит вновь.* А. С. Пушкин. «Полтава»), "сон" (...*если я не позабуду В этом сне любви печальный сон...* М. Ю. Лермонтов. «Стансы»; *Он исчез, как наслажденье, Как весёлый сон любви.* А. С. Пушкин. «Гроб Анакреона»).

Выше отмечены витальные признаки концепта, актуальные как для М. Ю. Лермонтова, так и для А. С. Пушкина.

В индивидуально-авторской картине мира последнего любовь – это не просто существо, издающее звуки и движущееся, но существо бодрствующее (...*не спит в тиши природы Одна счастливая любовь...* А. С. Пушкин. «Письмо к Лиде»), дышащее (*И в недобдуманном письме Любовь невинной девы дышит.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»), осязающее (...*я б имел надежду Любвью нежной тронуть ваше сердце.* А. С. Пушкин. «Каменный гость»), слышащее (*Зовешь, вверяясь им, и дружбу, и любовь.* А. С. Пушкин. «Л. Пушкину») и в то же время, не замечающее ничего вокруг себя – слепое (*Любовь, любовь ревнивая, слепая...* А. С. Пушкин. «Борис Годунов»). Для А. С. Пушкина актуален признак возраста любви (*Пейте за радость юной любви – Скроется младость, Дети мои.* А. С. Пушкин. «Заздравный кубок»; *Не мог он сердцем отвечать Любви младенческой, открытой...* А. С. Пушкин. «Кавказский пленник»).

Восприятие любви как *живого (живущего)* существа в индивидуально-авторских картинах мира поэтов во многом отлично. М. Ю. Лермонтов наделяет любовь только признаками голоса, движения и сна, в то время как А. С. Пушкин описывает любовь как существо, обладающее всеми свойствами живого организма, кроме способности видеть.

В произведениях поэтов концептуализация любви может осуществляться через признаки растений – цветов и деревьев. «Цветы – ярчайшее проявление жизненной силы, это образ радостей жизни» [1, с. 217]. Как и любовь, цветок символизирует мимолётность, краткость бытия, весны, красоты, совершенства, невинности, молодости души (...*вянут розы Минутная любви...* А. С. Пушкин. «Фавн и пастушка»). Распространёнными являются вегетативные метафоры плода *любви*. Следствием любовных радостей могут быть дети, описываемые поэтами подобными метафорами (*В далёких дева шла местах И тайный плод любви несчастной Держала в трепетных руках.* А. С. Пушкин. «Романс»; *Желанный сын, любви взаимной плод.* М. Ю. Лермонтов. «Сашка»). В понимании А. С. Пушкина любовь должна приносить плоды. В творчестве М. Ю. Лермонтова любовь, помимо плодородности, сама может выступать плодом с дерева (*И дерево с моей любовью Погибло, чтобы вновь не цвести.* М. Ю. Лермонтов. «Дереву»). Как на дереве зреет плод, так любовь зреет в сердце человека (...*зреют в сердце беспокойном Все чувства – злора, гордость и любовь, Как дерева под небом юга знойным.* М. Ю. Лермонтов. «Сашка»). Любовь, подобно дереву, укрывает под своей сенью (*Любовью, дружеством и ленью, Укрытый от забот и бед, живи под их надёжной сенью.* А. С. Пушкин. «К Дельвигу»). Ей свойственен признак "сплетение": как находящиеся вблизи корни растений сплетаются между собой, так любовь срастается с душой и становится неотделима от неё (...*моя любовь срослась с душой моей...* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

В творчестве поэтов отмечены родовые отличия растений. Так, в произведениях М. Ю. Лермонтова любовь представлена как дерево, приносящее плоды. Для А. С. Пушкина любовь – это дерево, укрывающее под сенью, и быстро увядающий

цветок – роза. Для обоих авторов характерны вегетативные метафоры, описывающие ребёнка как плод любовных радостей.

Для поэтов характерно восприятие любви как высшей субстанции – божества, что позволяет говорить о наличии теоморфных (божественных) признаков в структуре исследуемого концепта. В произведениях М. Ю. Лермонтова наблюдается прямое отождествление любви с богиней (...*любовь, богиня юных дней...* М. Ю. Лермонтов. «1831-го июня 11 дня»). А. С. Пушкин наделяет её божественными атрибутами: любви молятся (*Любовь, любовь, Внемли моления: Пошли мне вновь Свои виденья...* А. С. Пушкин. «Пробуждение»), её восхваляют (*Хвала любви, хвала богам! Вновь лиры сладостной раздался голос юный...* А. С. Пушкин. «Анджело»). Известно, что ещё с древнейших времён боги считались всемогущими существами, правящими миром. Боясь прогневить богов, человек возводил им храмы, приносил дары. В творчестве авторов любовь, подобно божеству, имеет место, где ей поклоняются – храм или алтарь (*Все бросили Цитеру, И мирных сёл Венеру По трепетным волнам Несут они в пещеру - Любви пустынный храм.* А. С. Пушкин. «Фавн и пастушка»; ...*любви волшебный царь, Давно остыл его алтарь.* М. Ю. Лермонтов. «Тамбовская казначейша»; ...*У тихих алтарей любви.* А. С. Пушкин. «Колосовой») и где совершаются обряды жертвоприношения (*Одним высоким увлечён, он только жертвует любви...* М. Ю. Лермонтов. «Посвящение»; *Но кто любви не жертвовал собою!* А. С. Пушкин. «Любовь одна – веселье жизни холодной»; *Свершились милые надежды, Любви готовятся дары.* А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»).

Бывает и так, что Боги, становясь благосклонными к человечеству, сами воздают ему небесные дары. В индивидуально-авторском представлении А. С. Пушкина любовь, ниспосылая муки, наказывает людей (*Ах, если мученик любви Страдает страстью безнадежно.* А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»), но за обращённые к ней мольбы вновь одаривает их своими талисманами (*Сохрани свой талисман, В нём таинственная сила! Он тебе любовью дан.* А. С. Пушкин. «Талисман») или другими наградами (*О вы, хранимые судьбами, Для сладостных любви наград.* А. С. Пушкин. «Наездники»). В произведениях поэтов встречается восприятие любви как божьего дара (*Здоровья дар благой*

Мне снова ниспослали боги, А с ним и сладкие тревоги Любви таинственной и шалости младой. А. С. Пушкин. «Выздоровление»; *Твоей любви я жду как дара...* М. Ю. Лермонтов. «Демон»). Боги как создатели мира наделяются функцией оживления, одушевления, а значит, только они властны над жизнью человека. Функция оживления существует у любви в творчестве обоих авторов (*О юбка! речь к тебе я обращаю, Строки сии тебе я посвящаю, Одушеви перо мое, любовь!* А. С. Пушкин. «Монах»; *Со мною не умрёшь: моя любовь Тебя отдаст бессмертной жизни вновь.* М. Ю. Лермонтов. «1881-го января»).

Анализ теоморфных признаков показал, что более подробное описание любви как божества характерно для индивидуально-авторской картины мира А. С. Пушкина. В произведениях поэта любовь, подобно богу, призывает людей молиться и приносить жертвоприношения в возводимые специально для этого алтари и храмы, дабы уми-

лостивить её и быть вознаграждёнными свыше. Любовь за обращённые к ней мольбы ниспосылает с небес на землю дары и награды своим мученикам. Для М. Ю. Лермонтова свойственно восприятие любви как богини юного возраста, которая также имеет место поклонения и которой также совершаются обряды жертвоприношения. Однако в произведениях последнего любовь не одаривает своих мучеников ни талисманами, ни другими дарами. Для обоих авторов любовь есть божий дар, она оживляет и одушевляет.

В настоящей статье рассмотрены следующие метафорические модели: «любовь – человек», «любовь – живое (живущее) существо», «любовь – растение», «любовь – бог». Эти модели актуальны и значимы для творчества обоих авторов, поэтому именно они приведены в качестве примеров, отражающих особенности индивидуально-авторской концептуализации.

Список литературы

1. Адамчик В. В. Словарь символов и знаков. М. : АСТ ; Минск: Харвест, 2006. 240 с.
2. Безруков А. А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века. Краснодар : Армавир. гос. пед. ун-т, 2007. С. 35.
3. Бушакова М. Н., Буянова Л. Ю. Концепт как базовое средство языковой концептуализации мира: к проблеме статусирования // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск : Поморский ун-т, 2005. Вып. 2. С. 114.
4. Валиулина С. В. Языковые средства представления невербального поведения субъекта в состоянии страсти // Вестн. ИрГТУ. 2006. № 2 (26). Т. 2. С. 43.
5. Воркачёв С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) : монография. Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.
6. Евдокимова А. А. Концептуализация любви и ненависти (на материале паремий). Язык и ментальность : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. СПб. : СПбГУ, 2010. 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
7. Михайленко О. М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические душеты. Краснодар : Армавир. гос. пед. ун-т, 2006. С. 21.
8. Русакова И. Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских словиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 24 с.
9. Чижова Х. А. Языковая категория *боль* в русском языковом сознании. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 808 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).